

Аваначи

СТИХИ И НОВЕЛЛЫ

18+

Сергей Игнатъев/Аваначи

СТИХИ И НОВЕЛЛЫ

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Игнатъев/Аваначи С. П.

Стихи и новеллы / С. П. Игнатъев/Аваначи — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

Немного времени уделил Аваначи русской поэзии. Но за это время он создал изумительные стихи по глубине проникновения в человеческую душу, по тонкости описания того, что в ней происходит. "Ну а прежде, подруга, запомни Ощутимое всё, что весомо. И, запомнив, пойми, сохрани Выше неба и ниже все краски, Всю страницу веселую сказки, Мой тяжелый рассказ о любви".

© Игнатъев/Аваначи С. П., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Монолог	7
Чертополох	8
Волки	9
Утки	10
Ты мне вонзило в сердце нож	11
В моей деревне – снег и холод,	12
Подарок	13
Ночное	14
Утонули облака и звезды	15
Первая любовь	16
Кража	17
Родник	18
Юбилей	19
Метится в цельную грудь	20
Воспоминание	21
Ледоход	22
Ветер	23
Другу юности	24
Походить по городу	25
Ураган	27
Забытая деревня	28
Уроки истории	29
Гроза	30
Деревья	31
Конец лета	32
Нечистые силы	33
В осеннем саду	34
Рисунок на стекле	35
Вот собьешься с асфальта –	36
Зима	37
Музыкант	38
Мор	39
Прошумела весна	40
Стояла засуха.	41
Тополь	42
Соседка	43
Впервые ты шла без улыбки,	44
Я видел, как слово уносится с ветром,	45
Я рожден под небесным светилом,	46
Знаменитый день	47
Смерть в зоопарке	48
Прошли века	49
Небо демонстрирует могущество.	50
Все успокоилось в синем,	51
Сны промелькнули в тайнах ночи.	52
Далеким ли снится бывшее?	53

Любови Кузнецовой	54
Ночь	55
Камнетес и каменная глыба.	56
Грезы	57
Я подожду	58
Посвящение Р. Ивановой	59
Печальная песня	60
Луна в гостях	61
Как по морю – в волнах дерзновенных,	62
В сини звездной, недоступной,	63
Вот и промелькнуло наше лето, –	64
Зимний	65
Читая А. Фета	66
Обреченный	67
Приют	68
Встреча	69
Немножко о луне	70
Земля	71
Прощание	72
Май дышит влагой и теплом,	73
Весна, в грязи ворона, лужи –	74
Бьет в глаза весенний теплый свет.	75
Памяти Юрия Таратина	76
Река незримо дышит томной влагой	77
Сад однотонен под луной,	78
Гремела гроза	79
Как с утра все было чисто,	80
Все предсказуемо меж нами, –	81
Я долго буду знаменит	82
В будущем	83
Тропа узка в пшеничном поле!	84
Изнурительный зной, обмелевшие реки.	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Стихотворения, поэма «Круговерть», новеллы (18+)

Монолог

Как ты хмуро смотришь на меня,
Мой бычок, мой маленький Егорка.
Мы с тобою старые друзья.
Так зачем печалишься в сторонке?

Не смотри так хмуро на меня,
Мне известны все твои печали.
Ведь у нас как минимум два дня
Без еды, без сена пролетали.

Трудные настали времена,
Закрома в хозяйстве опустели.
Выход есть, надейся на меня –
Пережить голодные недели.

Ну, пошли. Пошли же, поспешим.
Знаю, за селом в укромном месте
Ждет тебя – другого не ищи –
Позабытый до поры стог сена...

Вот пришли.
Чист и нетронут снег.
Ничего, терпимо, что глубокий.
Если бы ты мог, как человек,
Этот день запомнил бы надолго.

Ешь, дружок. И больше – ни гу-гу!
Не беда, что нету здесь сарая.
Ну, а я на ветреном стогу,
Как хочу,
Как бог даст,
Как смогу,
Про тебя стихи посочиняю.

Март 1953

Чертополох

Под покосившимся забором
Средь кучи хлама и камней
Взрастила матушка-природа
Куст одинокий и огромный,
Весь недоступный для людей.

А я – бродяга вездесущий
По грязи, сорнякам и лужам.
Чертополох, видать, не зря
Отрос мне ровно до макушки –
Стоит, владыка пустыря.

Я в этом детище природы
Люблю здоровый, сильный дух.
Его святую непокорность
Любым капризам непогоды,
Как всё кругом, как все вокруг.

Считают люди и поныне,
Что черт пугается его.
Так что в моей родной пустыне
Чертей увидеть не дано.

Под прогнивающим забором
На территории, где Русь,
Взрастила русская природа
Хороший, интересный куст.

Лето 1953

Волки

По дорогам, звездой освещенным,
По путям, подметенным пургой,
Из соседней деревни крещеный
Человек возвращался домой.

Торопился, не сразу заметил;
Ну, заметил. И что от того? –
Быстроногие черные тени
Настигают, дыша на него.

Кто бы видел, как бился недолго
Многозубый и дикий кагал.
Как всю ночь по путям и дорогам
Демон бури следы заметал...

И в деревне моей конопляной
Вдоль заборов, над дымной избой
От бессонницы слышат селяне
Кого хочешь пугающий вой.

Февраль 1954

Утки

Дождь такой,
Словно в небе нескончаемый аврал,
Словно в тучах море прохудилось.
Бабка чуть не плачет:
– Кто бы уточек домой пригнал.
Пригони, сынок, мне сделай милость.

Отцову шинель волоку на себе.
Все пятки обласканы лужей.
И кажется мне –
В этот день на огромной земле
Прокишшего болота ничего нет хуже.

Но птичье семейство домой не идет.
Сдружились с осокой утята.
Им невдомек, что бабка их ждет,
Как сыновей ждала когда-то.

Осень 1954

* * *

Ты мне вонзило в сердце нож

,
В устах нещадных злое слово.
Но это – ложь.
Все – трижды ложь!
Ты режь кого-нибудь другого.

Но почему был не рожден
Я в век разгульный Чингисхана?
Тогда бы я стальным ножом
В бою открытом был сражен
У ног кровавого кургана.

1964

* * *

В моей деревне – снег и холод,

В моей деревне печи топят.
Над крышей дома – снег и дым.
Дружище мой, ты, словно птица,
Завел жену и стал гнездиться.
А что же делать холостым?

Меня гнетет предубежденье,
В душе тревога леденеет –
Всё так. Но это ли беда?
Давно известно, что непросто
В стране польни, медоносов
Прожить по правилам Христа.

Мой стих! Опустимся на землю,
Довольно рыскали по небу, –
Пора мне лошадь запрягать.
Скорей ведите Вороного!
Не надо мне коня другого, –
Невесту буду я катать!

И вот несемся на полозьях,
А та от ревности и злости
Косится мимо.
Мы – держись!
Едва выдерживают сани,
И пропитыми голосами
Деревня ахнула... Женись!

Март 1971

Подарок

Красотами мира владел я,
Обилием звезд вековых.
Имел неплохую идею,
Боясь лишь насмешек твоих.

Неслыханным этим богатством
Собрался тебя одарить. –
Как только вечерняя сказка
Настала, промолвил: «Бери».

И ты отнеслась с пониманьем
К дарам, не скривившись губой.
Тем временем звезды над нами,
Похоже, смеялись толпой.

Коснувшись тебя без усилий,
Я вызвал улыбку в ответ.
В зрачках озорных отразился
Галактикой присланный свет.

Тому отраженному свету,
Казалось, не будет конца.
Так мы приближались к моменту
Забавы по воле Творца.

И ты, угоревши дурманом,
Сказала: «Не спать до зари!
Я тоже вручаю подарок».
Добавила тихо: «Бери».

Июнь 1971

Ночное

Старший конюх четок, как подкова:

– Будет вам ночное. Не вопрос.

И сказал Ивану Адюкову:

– А тебе не к спеху. Не дорос.

Закатилось солнце за край неба,

За край света, много сил отдав.

Закатилось. Быстро потемнело

На лугу среди высоких трав.

И, когда от полевого стана

Возвратились, как с войны, отцы,

Лошадино-рабочее стадо

Мы направили вглубь темноты.

Там запахло клевером и прочим;

Запахи ползучи над травой.

Наводил здесь ужас на рабочих,

Пролетая днем, пчелиный рой.

Звезды зазвенели, как подковы.

И у них имеется свой срок.

Только жалко Ваньку Адюкова,

Он в траве уснул бы, как сурок.

А кому-то в эту ночь не спится,

И всю ночь не спится напролет.

В дебрях незнакомая мне птица

И кричит, и плачет, и поет.

Красоту ночей как чудо света,

Чудо без начала, без конца,

Описать – обязанность поэта,

А воспеть – обязанность певца...

Лошади пасутся, кобылицы.

По ночам горят костры.

И вот

Коростель, знакомая мне птица,

Не кричит, не плачет, не поет.

Лето 1971

* * *

Утонули облака и звезды

В мутной луже, в дождевой воде.
Прогуляться переулком сонным,
Чтобы так пройти по этим звездам –
Больше не получится нигде!

Переулок выведет нас в рощу.
Ты легко одета и попроще,
Как по нраву мне и по теплу.
Бродит воздух там еще весенний,
И зашелестит охапка сена,
Как ты заглядишься в синеву.

Что вчера над нашим сеновалом
Высоко искала мнимым взглядом,
В чем ты так нуждалась в тот момент,
Что забыла вмиг ты на мгновенье,
В темноте пока спала деревня –
Было это в небе или нет?

1971

Первая любовь

Огоньками мерцает в былом вечеринка,
Разошлись кто куда и друзья.
Ты меня повела по траве, по тропинкам,
По местам, где растут тополя.

Тишина – как Всевышний задачу решает.
Не слышать ни небес, ни полей.
Лишь внизу, в глубине, тишине не мешая,
С нами тайно шептался ручей.

Подражая кому-то по древним законам
И услышав горячую где-то мольбу,
Фантастичная ночь рассылала по звездам
Фантастический шепот: «Люблю».

Говорили о чем-то серьезном.
Ты платье
Замарала смолой тополей.
Я тебе услужил, удалив эти пятна
Чуть пониже и выше грудей.

В тот момент роковой баловали нас боги,
Я не мыслил веригу твою.
Только лишь, как те звезды, навечно запомнил
Твой потерянный голос: – Люблю.

Июль 1984

Кража

Гудел ветер. И лето гудело...
Да хоть трижды будь настороже –
Бесполезно. То смутное лето,
Как мятежник, тревожит в душе.

Поневоле всё вспомнишь, – нас двое,
А вокруг – роковая гульба.
Как чужое добро, дорогое,
Из-под носа украли тебя.

Веселились, наверное, бесы.
А мне снились кошмарные сны.
Но молюсь, чтоб суд высший,
небесный,
Не признал твоей женской вины.

Мир волшебен!
Мы встретились снова.
Ты легка на подъем, без забот.
Под помадой губной, тонкослойной,
Виновато кривился твой рот.

Говорила красиво, прекрасно.
Я следил за движеньями губ.
Было холодно. Может, напрасно
Размышлял про себя: «...Украдут».

Декабрь 1984

Родник

Беглец мятежный из темницы,
Дух подземелья. И ты рад,
Что, наконец, на свет пробился.
К своим пробился, как солдат.

И, торжествуя в мире встречном,
Играет вольная вода, –
Того ли ради, чтоб исчезнуть
В речном потоке навсегда!

Июнь 1988

Юбилей

За небом ничего не видно.
Сплошная серость, пелена.
Под ней как раз посередине,
И в тонкой нитке паутины,
Со мною ты, моя жена.

С тобой идем, всё чин по чину.
Нет солнца, и молчит заря.
Какая все ж ты молодчина,
Сегодня наша годовщина,
День – самый лучший октября.

Идем теснясь, что нет проходу.
Что гипермаркет, что базар. –
И там и тут полно народу:
– Посторонись, дружок. Дорогу!
Не видишь разве – юбиляр!

С ума сойти. Но в этой жизни
Есть юбилей. Каково!
Хотели жить при коммунизме,
Не получилось ничего.

И, повторяясь год от года,
Нам напевают соловьи
Быль о подобии свободы,
Миф о подобии любви...

А на столе в честь юбилея
Кипит старинный самовар.
И, на пирог слоеный вея,
Шипит его волшебный пар.

Октябрь 2006

* * *

Метится в цельную грудь

Бешеный по холодку.
Я подарю что-нибудь
Или кривую клюку.

С яблони дикой упал
Людом обиженный плод.
Скроется мертвый хрусталь
За неживой горизонт.

Скоро увидим поля,
Где и сорняк не растет.
Клятую волю кляня,
Там и живет ветровод.

2008

Воспоминание

Со мною в пустынной квартире
Всю зиму живет мотылек.
Пределы его, сиротины:
Простенок, окно, потолок.

А улица странно грохочет,
Все звуки стремятся в окно.
Я помню твой голос и очи,
Но есть, что забыто давно.

Я помню твой голос невинный,
Копну несурмленных волос.
Березовый город старинный,
Ступеньки истоптанных роз.

И небо в березовых тучах
С особой приметой – луной.
Очей увлажнение жгучих
И волос, окрашенный хной.

И что же с тем городом стало
В пыли ураганной, дыму,
В котором тебя я оставил, –
Неведомо только – кому?

Теперь одинок я, и сирый.
На этой земле – новичок.
Со мною в пустынной квартире
Все годы живет мотылек.

Напрасны пустые угрозы –
Тревожить хмельное бытё...
Твои родниковые слезы,
Простое как память лицо.

Февраль 2008

Ледоход

Покоя не терпит уже многотонный
Покров ледяной, не приняв теплоту.
Стихия его по законам Ньютона
Ломает на льдины и гонит к мосту.

Там путь преградила движенью теснина.
Мальчишки кричат, веселится толпа.
Таранит опору безумная льдина,
Железо – не в силах, и нету моста.

Поток водяной все сильнее и круче.
Сигнал к разрушению дан.
С обрыва свалилась песчаная куча,
Смешалась с водой и плывет в океан.

Не все безнадежно. И все разрешится,
Спокойные воды суля.
Сегодня рвануло. Сквозь грохоты мнится –
От счастья и горя рыдает земля.

Рыдает о том, что она обновится
Сквозь грохот, крушенье и смерть.
Что здесь угнездятся прилетные птицы,
Чтоб осенью вновь улететь.

Еще далеко до осенних морозов.
Пока обновить бы житье. –
Забыты колхоз, председатель колхоза,
А фермера знаем в лицо.

Неужто такое опять повторится –
Крушенье, разрушенный мост?
А может быть, просто во сне нам приснится
Стихия – кошмар, ледоход?

Апрель 2008

Ветер

С далеких времен сотворения мира
Крутым ураганом и легким зефиром
Все знают тебя на земле.
Вреда ты наносишь везде без разбора,
И пользы приносишь немало народу
В больших городах и селе.

По шатким постройкам, ломая, грохочешь,
Застукать умеешь кого и где хочешь,
Известный в миру озорник.
В эпоху людскую проделки любые –
Доныне твои добродушные, злые –
Рассказаны множеством книг.

Когда она рядом со мной как русалка,
Как рыба живая, плыла, чужестранка,
В прозрачных как солнце волнах,
На том берегу у широкой реки ты
Шелковое девы дремучей ракиты
Развесил белье на кустах.

Расстались мы с нею. Теперь это в прошлом,
Но в памяти крепко гнездится смешное.
Потеря рассудка и грех.
Но лишь неприветно уходит в забвенье
Добытый на пляже в тени у растений,
А ныне ненужный успех.

Про шутку твою и белье на деревьях
Расскажешь кому – так еще не поверят.
Таков уж, видать, мой удел.
Забуть хоть на время жемчужину-рыбку,
Растерянной жертвы смешную улыбку
Я даже во сне не хотел.

Хотя я и видел, и верю, и знаю –
В бескрайних пределах у ада и рая
Заставил ты многих роптать,
Не выпытать мне у тебя – эту деву
Плывущей, как в прошлом со мной между делом,
Тебе удалось ли застать.

Июль 2008

Другу юности

Други наши – лошади, собаки.
Мы – любимцы конного двора.
Выросли средь вдовушек и бабок,
Скачки – наша древняя игра.

Мы имели жилистые руки
И ступни, умытые росой.
Нас кормили бороны и плуги;
Правили мы ловко и сохой.

За работой жаркой, монотонной,
Где тревожный птичий крик, мой друг,
По себе, певучих и влюбленных,
Завели подруг.

Было – временами мы краснели,
Прикасаясь девичьей груди.
Но любить иначе не умели,
Жить иначе тоже не могли.

Миновали быстро все напасти,
И в кустах все живы соловьи.
Вот и нас наплыв любовной страсти
Поглотил, как море корабли.

Сверх того, в укромном нашем месте
Под пригорком, ивой и луной
У ручья мы распевали песни.
Подпевал Вийон.

Лето 2008

* * *

Походить по городу

в сумасшедшем темпе
В поисках покоя,
тихого угла
Я из дома вышел
с раннего рассвета,
Как проснулись птицы
с раннего утра.

Захожу в жилища,
говорю с жильцами,
Слушаю рассказы.
Вижу, как живут.
Как в водовороте –
люди здесь веками,
Не слышать в помине о покое тут.

Где трущобы были –
развернули стройки.
Техники нагнали,
сровняли косогор.
И без передыха
правильно и бойко,
Сотрясая землю, все стучит копер.

Воробьев семейка прыгает по травке,
И в мгновенье ока –
как кирпич об твердь!
А ее уж нету –
врассыпную стайка.
В лапках хищной птицы трепыхает смерть.

Подуствав немного, помотавшись вволю,
На погост я еду по Сухой реке*,
Где людей встречает
ветерок над полем.
Да ковыль высокий,
сумрак в сосняке.

Вот стою на месте,
где могила сына.
А вокруг зарыты –
молодые сплошь.
Старая ворона каркает с осины:
«Только здесь свой угол тихий
ты найдешь».

Август 2008

* Сухая река – поселок в Казани.

Ураган

Ветер обрушил деревья, постройки. –
Так он буянил во мгле!
И, разбуянившись вволю, обломки
Все раскидал по земле.

Может, устроили это крушенье,
Ради потехи, волхвы?
А человек, пока шло разрушенье,
Не приподнял головы.

Август 2008

Забытая деревня

Как теперь деревня тополиная,
Узкие тропинки юных лет?
Кто расскажет сказки нестрашильные
Маленьким, которых тоже нет?

Походить – увидишь травы чахлые
На лугах, и обмелевший пруд.
Там пасутся кони одичалые,
Не зови, они нас не поймут.

Мне понять бы прошлые события.
Я пока такой же, как и был.
Я ее любил, теперь забытую, –
Может, недостаточно любил.

Канули глубоко дни веселые,
Лай собак и крики детворы.
Где сегодня избы хлебосольные,
Женщины, веселые дворы?

В тех местах, где в юности гуляли мы,
Выросли другие тополя.
Между ними запахи трухлявые
Веют на опальные поля.

Как же быть?
Найди теперь виновного, –
Не найдешь, ищи хоть двести лет.
Та деревня канула в историю, –
У истории виновных нет.

Август 2008

Уроки истории

Он все разрушил города,
Остатки их сравнял с землею.
Забыл он мать, не знал Христа.
Не всё в порядке с головою.

И он, главарь большой орды,
Окутал мир огнем и дымом.
Восстал народ, восстань и ты,
Как раньше в годы молодые.

Два партизана-старика,
Уйдем с тобой в леса, болота.
Для нас война – не привыкать!
Как для охотника – охота.

Сквозь испытанья и года
Мы вновь вернемся в свои семьи,
Что, как бывает иногда,
Пропустят мимо и соседи.

А может быть, случится так –
Один вернешься через силу.
Ты внукам объясни тогда,
Как свежую найти могилу.

Сентябрь 2008

Гроза

Ударило громом, как будто война.
Такою я помню бомбежку.
Дубовая ставня стучит у окна
И дразнит домашнюю кошку.

А мне не впервые. –
В грозу наугад
Мы плыли на шхуне. Ветрила
Рвались, улетали. И если не в ад –
В предтечу его я поверил.

Так странно, и так непонятно смотреть,
Как прямо в чужое окошко
Мятежного неба вся черная треть
Натравлена кем-то на кошку.

И все же есть радость –
меж молний и туч
К небесным подаркам в придачу
К жилищам людей пробивается луч
От солнца как проблеск удачи.

И духом воспрянут,
как натиск грозы
Иссякнет, всей живности стаи.
Для них эта влага –
как капля слезы
Душе безнадежно усталой.

Сентябрь 2008

Деревья

Если б деревья умели шептаться,
Если б умели что-либо сказать,
Слушать кого-то, стонать и нехстати
Слезы, как люди, ручьем проливать.

Нравится мне в этом парке заветном.
Хочется, вот и без всяческой лжи
В разных тональностях, черных и светлых,
Вслух говорю им о русских поэтах,
Веке двадцатом, в котором я жил.

Небо изменчиво. Тучи и ветер
Вмиг всё испортили. Парк – под дождем.
Я под навесом. Деревья как дети
Брошены, стонут. И слезы – ручьем.

Все переменчиво... Яркое небо.
Детская радость, что найдена мать.
Тайны тут нету. Поэзия – небыль.
Людам охота жар-птицу поймать.

Снова иду к тому месту, откуда
Только что деру давал под навес.
Птицы запели. И ветви не гнутся.
Всюду красивые люди толкуются, –
Радости столько, как мертвый воскрес.

Только вот жалко, нет силы ручаться:
«С ними ничто не случится зимой».
Думаю я, избежать не удастся
Плена у зимней красы ледяной.

Кто же тогда нам окажет услуги
И объяснит, как лишиться листвы
И, пережив все невзгоды и вьюги,
Как миротворной улыбки подруги,
Новой дожждаться весны?

Сентябрь 2008

Конец лета

Снова огороды раскопали.
А земля по-божески щедра.
Нивы бредят древними снопами,
Облака, как накануне, пали
Там же, где красуется заря.

Вырос наш кутенок, стал огромен,
И лежит. Попробуй – с места сдвинь.
Криков нет, доньше мне знакомых, —
Кто-то улетел, кто спит в болотах.
Не цветет люпин.

Женщины рожают раз за разом –
Как прекрасно, что ни говори.
Верю я, что после динозавров
В этом мире жили дикари.

Там, конечно, были наши предки –
Выдумщики всякого, любви.
Ну и фантазер же я не редкий.
Мимо пролетают воробьи.

Отдохни, подруга. Ты устала,
И земля, любимая твоя.
Жизнь у нас с тобой была простая,
Как полет простой у воробья.

Но ветра горячие есть где-то. –
После разных, всяких холодин
Будет новость – к нам вернется лето.
Зацветет люпин.

Сентябрь 2008

Нечистые силы

Дорога лесная.
И мой тарантас
Бежит по вечерним ухабам.
В чащобах и прочем родившийся глас
Услышав, натерпишься страху.

В сторонке всего-то дуб старый скрипит,
А мнится от черта, нет спасу.
Вдруг если уж филин кому закричит,
Хоть падай на дно тарантаса.

С тобой так случится, исхода не жди. –
Молиться, и с миром прощаться!
Да что там крик филина, – вон впереди,
Подальше, к мосту как спускаться,

Стоит и шевелится тень, вся черна.
Нечистые звуки... Гнусавы.
В башке промелькнуло: «Вот он, сатана!»
Сказать по-другому: «Лукавый».

И думать не смею, что запросто, враз
Под мостиком будет мне крышка.
А умница-лошадь, бесстрашный мой спас,
Бежит хоть бы что. Бодро дышит.

А тут, весьма кстати, и месяц возник. –
Уверуешь в бога. На месте,
Где тень шевелилась, знакомый лесник,
Шатаясь, еще не трезвеет.

Октябрь 2008

В осеннем саду

Угрюмая туча над сохнувшим садом
Роняет на цвет изумруд.
Печальны мои запоздалые астры,
Предсмертны. – Но всё же цветут.

Все лето как вечность я ждал их цветенья,
Как ждут запоздалой любви.
Меня вдохновляют на смелость затеи,
Улыбка и груди твои.

Тебе я среди обстановки неброской
Понравился, видно, что прост.
Тебя заждались уж, наверное, гости
И важный, задумчивый гость.

Но ты подошла любоваться на астры;
Любуйся, а гость подождет.
А дальше судьба нас тропиной старой,
Как прежде, к теплу приведет.

А там тобой наспех распущенный волос
Развеет былой аромат...
Иди уж, я слышу встревоженный голос –
На улице гости шумят.

Октябрь 2008

Рисунок на стекле

Рельсы раскачали, и трамвай качается.
Тишина речная под мостом.
Мы еще вернемся, пусть пока останется,
Что бесценно в центре городском.

Окна затянуло первоклассным инеем.
Пассажиrow тихи голоса.
На стекле рисует мальчик материнские
Губы, нос и серьги. И глаза.

Что едва заметно – счастье разрушается,
Веки рдеют, и потоки слез
Хлынуть уж готовы по щеке подкрашенной –
Передать стеклу не удалось.

Остановка. Люди теплоту оставили.
Звезды умирают на лету.
А рисунок детский одинок, отправился,
Без любви, без грусти, в пустоту.

Кто-то проживает много лет от радости,
Что в своем подъезде знаменит.
Человек несчастный в мире появляется
Лишь с одной целью – полюбить!

Декабрь 2008

* * *

Вот собьешься с асфальта –

и прямо в сугроб,
Но повозишься в нем – все же выйдешь.
Отряхнешься...
Но вдруг ты провалишься в гроб? –
А оттуда едва ли ты выйдешь.

Толковать я любитель о жизни людской –
Неземной и земной, кособокой.
И о том, что придумано слово «покой»,
Хотя нету на свете покоя.

Среди дикого леса ни с кем и никак
Не хотелось бы встретиться взглядом.
Но вот в ярости стукнулся волчий вожак
С человеком, отравленным ядом.

Сам не знаю, зачем я люблю этот мир, –
Человек, в этом мире случайный.
Но согласен, со мною встречался зефир
На корявых путях неудачи.

Но дано ли забыть хоть на миг, хоть на век
Те дороги, пути неудачи?
И тот лес, где чернеющий волчий разбег
Ужасает в дыханье горячем.

Я хотел бы увериться: жить на земле,
Бытовать – бесконечное счастье.
И на той бесконечности хрупкой во мгле,
Первый раз вижу, призраки плачут.

Проскакать бы на смелом коне без проблем
По проезжей тропе небосвода.
Для того, чтобы выяснить лично – зачем
Призрак плачет от вечной свободы.

Декабрь 2008

Зима

Посмотри-ка. – Внезапность, зима!
Не вчера ли чернело все в черном?
Поболтаем, есть новость, кума. –
На дворе промышляет ворона.

Полушубок мне нравится твой,
И ресницы, где тают снежинки.
Поболтаем, как прошлой зимой
Я тебя провожал с вечеринки.

Расскажу, иль ты помнишь сама? –
Пахли снегом, вином наши губы.
Так чем хуже той эта зима?
Мы ее с тобой также полюбим.

Я сравнил твои очи с звездой,
Что сияла повыше деревьев.
Но ты промах поправила мой,
Хохотала, что это – Венера.

Забрели мы далёко туда –
В царство наших безбожных поверий.
Все равно что сходили с ума...
И за всем наблюдала Венера.

Вот и тайны, секреты мои –
Мне так зимние нравятся птицы,
Полушубок, в снежинках ресницы.
Выше неба – богиня любви.

Декабрь 2008

Музыкант

По струнам злая вьюга воеет.
И воеет зверь.
Кричит больной. И тихо стонет.
Ломают дверь.

Вдруг смех счастливой роженицы
Раздался. Нет!
Всего-то крик болотной птицы.
Больного бред.

Идет тайфун по океану
На берега.
Гремит вулкан. У музыканта
Дрожит рука.

И всё вперед, без остановок!
Плачь, скрипка, плачь.
Нас в странный мир иной, бедовых,
Завел скрипач.

Внимать сей музыке стократно
Я был бы рад.
В сто первый раз за музыкантом
Пришел бы в ад.

Февраль 2009

Мор

Бежать черной смерти и братских могил*
В безлюдье, таежные глуши. –
Его голос предков тайком посетил.
Но дума – не будет ли хуже?

Всемирный на Русь возвращается мор
Доделывать смертное дело.
А сколько при первом в небесный простор
Крещеных людей улетело!

Но демоны вновь закричали: «Пора!»
И вновь зарождалась свалка, –
Живые сегодня умерших вчера
Едва хоронить успевали.

В итоге он все же остался один –
Родни нет, жены и дитяти.
В истории русской подобных годин
Бывало немало. – Писал Карамзин
Подробно, умнейший писатель.

Март 2009

*«Черная смерть» – мор (эпидемия), свирепствовавший на Руси в 14-м веке. Здесь автор пользуется устаревшим оборотом речи с пропуском предлога «от».

Прошумела весна

Прогремели толпой ледоходы,
Прошумела весна у ракит.
Отзвенели шальные аккорды, –
Не воспрянут. И бог не велит.

Ну а в принципе что изменилось?
Ничего! – Не спеши тосковать.
После нас будут новые силы,
И другие аккорды звучать.

Дорогая подруга, не ты ли
Меня ладить учила с людьми?
Да и вёсны у нас не простые,
А такие, что – черт их возьми.

Все же эта земля не безбожна.
Хочешь счастья – борись во всю мочь!
Но дана ли кому-то возможность
Невозвратность утрат превозмочь?

Но к чему разводить нам разводы,
Для чего городить огород?
Прошумели весенние воды,
Прогремел по реке ледоход.

Июль 2009

* * *

Стояла засуха.

И жизнь и смерть боролись. –
Кто кого?
Деревня вымерла.
Подворье за подворьем –
Никого!

Но тучи грохнули.
И небо громовое –
Веселей!
Аврал небесный.
Лужи полны. Двор задорен.
Живы все!

2009

Тополь

Огромный тополь рос. И мальчик
Все песни складывал о нем. –
Стихом в поэзию был начат
Мой путь о дереве таком.

Была нужда. Была потреба –
Красавец спилен на дрова.
И внук смотрел потом на деда,
Как враг не смотрит на врага.

2009

Соседка

Перешагнув через межу,
Иду я смело. И ежу
Легко понять мою угрозу.
Пусть не страшит тебя молва, –
Хоть попроси колоть дрова –
Я наколю тебе березу.

Во сне – не помню. Наяву
Завидно-ладную вдову –
Такую не знавал я сроду.
Я буду сеять и копать,
Пахучим воздухом дышать, –
Скажи: «Пройдись по огороду.»

Смотрю – наколоты дрова,
Всё это делаю не я, –
Молва спешит уже к народу:
Не мне припасть к твоим цветам,
Огонь березовый – не нам,
Не я допущен к огороду.

2009

* * *

Впервые ты шла без улыбки,

Ко мне подошла не любя.
Чужою, бесстрастной, безликой –
Такой я запомнил тебя.

Я видел – не смеет садиться
На платье твое мотылек,
И странно тревожится птица,
По черным возвращенным ресницам
Для нас не сквозит огонек.

Смущалась, краснела, спешила.
Сказала «прощай», наконец.
И слово мне сердце пронзило,
Как выстрел, как пуля, свинец.

Не ждал я подобного слова,
В мечтаньях иное твердя,
Где правит людьми ведовское, –
Не мысля судьбу без тебя.

Хочу, чтоб ты счастья вкусила,
Какого уж мне не вкусить.
Закон о влюбленных России,
Я думал, иначе гласит.

Как было в ходу изначала,
Вдогон за тобою всю ночь
Та птица призывно кричала.
Мне нечем ей было помочь.

2009

* * *

Я видел, как слово уносится с ветром,

Как, голос терявши, молчат соловьи.
Поверил – есть солнце, а полдень несветел.
И понял, что значит признание в любви.

И шел, спотыкаясь, по темному полю, –
Шумя созревали колосья у ржи.
Казалось мне – птица кричала от боли, –
Где место есть правде, есть место и лжи.

Бродить в созреваниe без всякого толку –
И как же добраться мне было до них,
Сокрытых надежно в тени!
Во-вторых,
Лишь пожалеть перепелку.

2009

* * *

Я рожден под небесным светилом,

Ну и ты – под небесной звездой.
Но другого к себе приютила,
И не мне говорила: «Ты – мой!»

Но как быстро прошло твоё счастье,
Хоть иначе могло быть вполне.
И сама убедилась – не часто
Человеку везет на земле.

Я ведь тоже, как ты, невезучий,
И родна мне твоя прямота.
Но казаться простушкой дремучей
Научилась ты все ж неспроста.

Я на крыльях к тебе прилетел бы,
Только вот от такого отвык.
Наши звезды и наше рожденье
Я воспел бы, но дайте язык.

Июль 2009

Знаменитый день

Свирепствует туча над Верхним Услоном,
И чайки резвятся вдоль горного склона.
В тумане, в пыли голубая межа, –
Мне лучше видать с моего этажа.

Мой город чумной, суетливые люди,
Короткий наряд, обнаженные груди.
Наметанный глаз насквозь видит толпу
И быстро находит, что нужно ему.

В любви – по старинке, нет новых законов.
Беда на работе, замучили склоки.
Друг снова не пьет, помирился с женой.
Вчера был грипп птичий, сегодня – свиной.

Всё так же недобро глядят вурдалаки.
Парламент решил отдохнуть после драки.
В соседнем подъезде случился пожар,
Подряд мне который день снится кошмар.

Церковный звонарь оглашает округу,
От творческих дел отвлекает подруга.
А в поле тревога – кричит коростель.
В смятении биржи – собрался картель.

Я Блока люблю, Афанасия Фета, –
Кого предпочесть – не решить до рассвета.
Уж солнце – к закату, спокоен восток;
Завял домашним горячий пирог.

Вот звезды появятся, выйдет комета,
И боги отметят рождение поэта.
Да ангел крылатый в ночи пролетит.
Тем будет сегодняшней день знаменит.

Лето 2009

Смерть в зоопарке

Родился по воле созвездий.
Потом за решеткой стальной
С годами подобием зверя
Он стал для забавы людской.

Тревожа его в полумраке
С расчетами на чудеса,
Ему простодушно зеваки
Глядели в косые глаза...

И вот конец жизни убогой –
Одна лишь из многих смертей.
Начало – как создано богом,
А кончилось – как у людей.

Июль 2009

Прошли века

Здесь лес гремел при Пугачеве,
Теперь – пшеничные поля.
А посреди – сказать попроще –
Всего лишь маленькая роща
Осталась в память бунтаря.

В кустах залечивали раны
Его разбитые войска.
А он, державный, строил планы,
Забывши статус атамана, –
Царем остаться на века.

Не повезло ему... Сегодня
Никто о прошлом не грустит.
И даже ветер путеводный,
Сподвижник неба всепогодный,
Без остановки вдаль летит.

Мне посчастливилось родиться,
Где роща, нивы, глухомань,
И каждый год цветет пшеница.
Смеясь, однажды озорница
Сказала мне: «Не хулигань!»

Август 2009

* * *

Небо демонстрирует могущество.

Перед кем? Вопрос необъясним –
Для меня хотя бы. Ибо сущее
Все ничто, казалось бы, под ним.

То на нас нахлынет наводнение,
То накроет полпланеты льдом. –
В катаклизмах гибнут поколения
Целые. По-разному. Потом

Солнышко сверкнет.
Но свет направленный
Все же тьмой сменяется ночной.
Введены такие, может, правила
Силой не небесной, а другой?

Я люблю, как ночь приходит звездная,
И грозу сменяет тишина.
Хор лягушек в пору сенокосную,
Ивы, волны – прелесть для меня.

Упиваться песней между грозами
Созданы, знать, кем-то соловьи.
Над травой за ржавыми заборами
Пьяный голос бредит о любви.

Но в конце для нас неприкасаемо
Будет все. И мы – наедине.
Как всегда с тобою мы обманемся,
Уходя в иное бытие.

Август 2009

* * *

Все успокоилось в синем,

И улеглось на дно.
Странно – у них заедино,
Все они заодно.

Дом наш стоит одиноко.
Тянется долго тишь.
Взгляд ты вперяешь далёко –
Разве там что узришь?

Хоть бы заржала чья лошадь,
В ржании чудо есть.
Молния, гром или коршун, –
Что-то бы в нашу честь!

Звезды, красоты все, вспомни,
Я не тебе ль дарил?
Как-то сказал мне в осень
Колкость одну зоил.

Время уходит, подруга.
Я, урожденный в избе,
Песни для узкого круга
Все посвятил тебе.

К звездам, танцующим, вместе
Мы улетим с тобой.
Наши любимые песни
Тоже возьмем с собой.

Август 2009

* * *

Сны промелькнули в тайнах ночи.

Их не сыскать теперь.
На нашей улице порочной
Не сосчитать потерь.

Вникать, кто запустил метели
И для кого вокруг
Ветра какую горечь пели –
Совместный наш досуг.

О чем шептали сеновалы,
Не выразить мне вслух.
Мы никогда не признавали
Неразделенных чувств.

Но подожди!
Сообщить об этом
Ты смертным не спеши.
И, что не найдено под небом,
На небе не найти.

Но все равно туда придем мы,
Не зная – для чего.
Ни одного там нету дома,
Не встретишь никого.

Но от того не обомлеем,
И мне не скажешь ты,
Что испугаться не сумела,
Нет страха высоты.

И у истоков звездопада
Творца в слезах моли:
«Нам от тебя немного надо,
Нас с неба не гони».

Август 2009

* * *

Далеким ли снится былое?

Когда ты успела забыть
Предательство, пережитое
И горький, безрадостный быт?

Что дикая птица – высоко,
Как сокол за жертвой чумной,
Взлетаешь – словить бы кого-то!
Напрасно кружишь надо мной.

Напрасно лихая затея
В твоём зародилась мозгу.
Тебя в день сто раз пожалею,
А вот полюбить – не могу.

Август 2009

Соседняя страна

*Похоронят, зароют глубоко.
А. Блок*

Водораздел, черта тернистая.
Шагни! И вот она –
Перед тобой туманно-мглистая
Соседняя страна.

И что же там с тобою встретим мы? –
Потушены огни.
И все мгновения утеряны
Несчастий и любви.

Надежды нет во мгле случайные
Увидеть хоть следы
Кого-нибудь, иль безучастную
Хозяйку темноты.

И все желания – напрасные.
Нет ничего всерьез.
О Господи! Позволь наплакаться
В стране, лишенной слез.

Нам суждено ту безъязыкую
Границу перейти.
Затем, которых нет, разыскивать
Обратные пути.
Октябрь 2009

Любови Кузнецовой

*Для кого же ты была невинна
И горда?*

А. Блок

Ты не любишь судеб поворотных,
Краев необжитых.
Но первая из всех живых и мертвых
Мой оценила стих.

Когда стихи то звонче, то потише
Читала ты мои,
Я осознал – тебе родней и ближе
Поэзия любви.

А до того – в бездействии беспечном
Всевышний судия?
Ты столько лет под небом бесконечным
Таилась от меня.

А если бы давно он, искушенный,
Нам встречу предписал, –
Тогда бы я, твоею покоренный,
О смерти не писал.

Не принимай того, кто для блезиру
Преподает урок.
Не верь тому, кто скажет: «В этом мире
Не существует рок».

Что ж, впереди дорога неземная, –
От встречных не таи.
Нас примет жизнь нездешняя, иная –
Лишенная любви.

Октябрь 2009

Ночь

Израненным в сердце, слабеющим духом,
Всемирный господь, помоги!
Врагами заделались лучшие друзья,
Друзьями не станут враги.

Над снегом ли бурным, травой ли пахучей
Гремят принародно года.
Тревожно подумать при виде падучей,
Что целая гибнет звезда.

Потух, лишь на миг на земле осветив, он –
Небесный пожар мировой.
Паук обустроил себе паутину
В жилище, в тиши ледяной.

Теперь тишина от меня не отстанет
До самого раннего дня,
Когда я дождусь, как грачиная стая,
Крича, пролетит для меня.

Тогда я, израненный в сердце, с клюкою
На улицу выйду, на свет.
Прохожий мне руку протянет знакомый
И скажет: «Всё пишешь, поэт?»

Октябрь 2009

* * *

Камнетес и каменная глыба.

Перед ней стоял он.
– Всё могу! –
Так сказала мастеру зубило.
Молоток добавил:
– Помогу.
Ноябрь 2009

Грезы

Прощаться со звездной лазурью моей
И с ветрами полынной пустыни!
Я запомню прохладу последних ночей
И как родину запах полыни.

Мне так хочется боли свои утолить,
Только где раскопать мандрагору?
И про жизнь в подземелье со мной говорит
Одинокий родник с косогора.

Где исток родника, так он ведает мне,
Никакое светило не ходит.
Только дух замогильный на той стороне
В безрассветной ночи колобродит.

По пределам своим как бы дух ни бродил,
Что бы он ни искал среди ночи,
Все равно кроме старых и свежих могил
Ничего для него не найдется.

Что Премудрым дано все столетия назад,
Сверх ему ничего и не надо.
Он не ведает толпы людские у врат,
Подземельное оберегая.

Неизменный дружище стареющий мой,
От тебя что-нибудь хоть таил я?
У нас ходят светила. И люди – с мольбой,
Сверхмолитвенной просьбой людской.
Неумолимо!
Ноябрь 2009

Я подожду

*Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
А. Фет*

Умные вещи – всё, что говорили нам,
Я уж забыл. Ну и пусть.
Крики над полем в стогах, журавлиные,
Помню зато наизусть.

Я не тебе меж пролетами птичьими
Клятвенно речь говорил.
И не тебе с православной девицею
В тех же стогах изменил.

Лучше не ведать бы той ситуации, –
Сиюминутный размен.
Вот вам, на небе! Мое обещание –
Больше не будет измен.

Хватит сегодня про осень слезливую,
О несуразной любви
Мучить читателя сказ-небылицами.
Небо – мое визави!

Но, журавли, мне во сне или в яви ли
Всё, как в далеком году,
Криком проплачьте то горько-бывалое.
Я подожду.
Ноябрь 2009

Посвящение Р. Ивановой

Незабвенная, прости меня!

А. Блок

В лучах прощальных, сапогах
Мы шли березовой тропинкой.
И медлила в тот день в глубинке
С уходом осень на листьях.

Еще один отрезок жизни —
Закат, прощаясь с нами, гас.
И лист оторванный кружился,
Весь обреченный, возле нас.

И я с бездарными словами
Пустое время провожал.
А ты ждала, ждала признаний, —
Но я, бездарный, промолчал.

Не избежать судьбы отплатной, —
В другой глубинке и в дали
Наивно обольститься клятвой
Полупустой любви...

Теперь уж только я да птицы
Порой бываем на тропе,
Где лист по-прежнему кружится
Сироткой. Память о тебе!

Декабрь 2009

Печальная песня

Под небом нас кто приютил?
Как много над нами светил –
Все это с тобою нам нужно.
Без крыльев – но все же лететь!
И все же туда долететь
В ночи беспощадно-бесшумной.

Без звезд и без неба в мирах,
Где люди на риск свой и страх
Живут, нам с тобой – невозможно!
Но есть еще время любить
И раны на сердце целить;
Умчаться потом – непреложно.

По нраву мне легкий снежок
И спутник его – холодок,
Но жаль – не дано налюбоваться.
Но разве забудешь тот миг,
Задорно-улыбчивый лик!
К окну прилетела синица.

И оторопь тут же берет –
Забыты, не помнишь... И вот
Стою и боюсь шевелиться.
За ширмой – единственный шаг,
И смело в незримый зигзаг
Порхнула веселая птица.

А что ж на прощание спеть? –
Непросто увидеть и зреть:
Над тяжелой березовой глушью
Всё выше и выше туда,
Где гибнет, сгорая, звезда,
Порхнут невеселые души.

Январь 2010

Луна в гостях

Не могу без волнения смотреть на луну
В чистом небе ночном.
Чую в ней колдовское.
Тихий свет проникает ко мне наяву,
Незаметно ползет по стене к изголовью.

Разве можно дремать при такой красоте,
Разве можно уснуть, предаваясь покою
Равнодушных сердец!
Говорю я тебе,
Поправляя твой волос рукою.

Подойди, занавески пошире раздвинь.
Миновать ли тебе, не познав, этот трепет!
И под тем, где пылает немислимо синь,
Занемее язык. Все трепещет.

Что ж, опять занавески темнеют твои, –
Колдовское уходит от нас за простенок.
Не смущайся, начни говорить о любви, –
О своем, о былом. Повсеместном!

Февраль 2010

* * *

Как по морю – в волнах дерзновенных,

Увлекательных, сверхинтересных.
Впереди – огонек маяка.
Мне хотелось, чтоб вечно так было,
Но вот острым гвоздем защемило
У кудрей, у седин, у виска.

Что невластно и немо, бесстрастно,
Что есть горечь на свете и счастье,
Объяснит вам талантливый шут.
Синевою дрожа дуновений,
Незабудками гроздя созвездий,
Как мечталось мне, так и цветут.

Окажись в запредельных высотах,
Дальше звезд, в невозможных просторах,
Где кончается свет, наконец,
Мы поверим словам лженауки,
Мы услышим потухшие звуки
И биенье умерших сердец.

Ну а прежде, подруга, запомни
Ощутимое всё, что весомо.
И, запомнив, пойми, сохрани
Выше неба и ниже все краски,
Всю страницу веселую сказки,
Мой тяжелый рассказ о любви.

Февраль 2010

* * *

В сини звездной, недоступной,

Точно как в стихах,
Я что хочешь нарисую
Для обоих нас.

Чьи-то ласковые крылья
Унесут нас в ширь
Сини, что правитель мира
Людям разрешил.

Тихий свет звезды бесстрастный
Пусть укажет путь.
Не беда, как не удастся
Избежать взгрустнуть.

Впереди – иные страны,
Нам до них – дойти.
Мы тебя, земля, оставим.
Что не так – прости!

Про все горести и байки,
Так и быть тому,
Там расскажем без утайки.
Было бы – кому.

Февраль 2010

* * *

Вот и промелькнуло наше лето, –

И не будет уж второго круга.
Призовут и нас с тобой на небо
Для пересуда.

Будем мы томимы, оробелы.
Каждому свой ангел тихо скажет:
«В чем ты был безгрешен или не был –
Во всем покайся».

Март 2010

Зимний

лист

Пришла пурга и всю неделю
Трясла деревню.
И жаль смотреть – осиротели
Мои деревья.

Остался ты один, заржавый,
На ветке целой.
Вернуть тебе и бог не вправе
Былую зелень.

Но ты уйдешь. На это место
Придут другие.
И ждут тебя, как мне известно,
Места глухие.

Март 2010

Читая А. Фета

Вот и море, –
жди погоды,
Полежи в песке!
Прибывают наши годы
Сами по себе.

Будут нам стихи веками
Покорять сердца.
Но вот под лежачий камень
Не течет вода.

Как и ты, я жду погоды
Семь десятков лет.
Но ее, разбейся в доску,
И поныне нет.

И накидано ли кем-то
Что-то нам зазря?
Ты – поэт. У нас поэты
И не ждут добра.

Март 2010

Обреченный

Решен в подробностях исход.
Ему улыбка не идет.
Людей встречает лишь глазами.
И все же вечный небосклон
В его окне в предсмертный стон
Горит последними лучами.

Затих, печален, чует кот.
Кругом везде наоборот.
В глазах чернеет темь большая.
А небо многое гласит,
И хочет что-то говорить
Звезда, биясь о синь, немая.

И вот увидим – вроде спит,
Но вскоре он заговорит
В момент усилия в недуге.
И через силу позовет,
Последний раз открывши рот,
Сказать «Прости за все» супруге.

Март 2010

Приют

Я долго шел. Плутал в снегах.
Терявши путь, искал впотьмах,
И оказался в перепутье.
Перекрестился и шагнул,
И ветер яростней задул,
Зато на этот раз – попутный.

Я у тебя нашел приют.
И все же, где твой шалопут? –
Я сам такой же, между прочим.
Мы разожгли огонь печной, –
Насквозь прогретые с тобой,
Едва уснули к полуночи.

Как мирно было до утра!
А утром так же, как вчера,
Снегами вьюга заметала.
Но мы с тобой не пропадем –
Я занесу поленья в дом, –
И повторится все сначала.

Март 2010

Встреча

С ночным костром наедине
Сидит старик на черном пне –
Во сне так встретился я с Фетом.
– От всех землян тебе привет!
Русь помнишь, пишешь или нет? –
Разговорился я с поэтом.

– У нас все души заодно,
Любому равенство дано,
Свобода есть. Но нет поэтов. –
Мы просидели допоздна,
Стихи читали у костра...
И сна – как не было с рассветом.

Март 2010

Немножко о луне

Луна над горкой поднялась,
По месту видному прошлась
И зацепилась за антенну.
Пока я в сторону глядел,
Она ползла меж темных тел,
И уползла за эту стену.

Март 2010

Земля

С тех пор блюдет свой ритуал,
Как человека приютила.
Скопила мертвый капитал –
Кресты и вечные могилы.

Я эту песню наизусть
Спою, и лишь бы не споткнуться.
Я на груди ее несусь,
Я никому не пригожусь, –
Уснуть, утихнуть, не проснуться.

Когда последний из землян
Уснет, утихнет, образная
У звезд останется Земля,
Вся увлажненная слезами.

А там, где город был большой,
Пустыня станет – не с кем зняться.
И будет в небе сиротой
Витать и плакать ангел мой,
Не зная, чем ему заняться.

Меж ошарашенных светил
Она украшенных цветами
Куда бесчисленность могил
Святыми унесет путями?

Апрель 2010

Прощание

Что грезится в постели сонной
Тебе, старик,
Когда глядишь в окно на солнце
В ужасный миг?

Внимай ему и внемли свету,
Побудь с людьми.
Лишь – на земле, и больше нету
Нигде любви.

Наглядно сможешь убедиться –
Нет и оков,
И нет преград, и нет границы –
Там мир таков.

Но почему тот мир так скуден
На звук и цвет,
И для кого же рай придуман, –
И где ответ?

И, свеяв трепет понемногу
Сквозь мертвый сон,
Увидеть ты захочешь бога, –
Но там ли он?

Апрель 2010

* * *

Май дышит влагой и теплом,

Благоухая, тут же стонет.
Едва-едва проснувшись, гром
В сторонке женским плачем молкнет.

Хлеб ради жизни, ради нег
Земля растит для человека.
Ей благодарен человек,
Как полагается, извека.

Я, урожденный при луне,
Рукою принят был шершавой.
Поэт, твой голос не по мне –
Мне мир не кажется Варшавой.

Май месяц кончится. Потом
Как расцветет лицо селений!
Но страх придет – в осколки гром
Не разобьет ли дом вселенной?

Май 2010

* * *

Весна, в грязи ворона, лужи –

Все кончится. И ледоход!
Но девки там, где были стужи,
Вести не будут хоровод.

Не в моде ныне те забавы, –
Их предпочтение – другим.
И мы с тобой, мой друг, не вправе
Переписать уставы им.

Но вправе мы тропой былого
Дубраву нашу посетить,
Где все и живо и готово,
Как отзвук девичьего слова,
Седую память возмутить.

Май 2010

* * *

Бьет в глаза весенний теплый свет.

Почернев, растаял санный след –
Не беда, вновь возродится!
Выпью я стаканчиком вина,
Чтобы загудела голова.
Не впервые – отрезвится!

Бог судил немислимый мне рок, –
Одолеть науку я не смог –
Как любить и как не надо.
Я живу под шаткою звездой,
Где звучит и тихий голос мой,
А верней – под звездопадом.

Как унять мне горечи твои!
Все поэты пишут о любви.
Я всегда – к твоим услугам.
Говори: «Присядем, старина,
Выпьем по стаканчику вина, –
Ты мне был, остался другом».

Как подарок скудный из былин
Глас не нам ли в ветреной пыли
Замирает тяжеленный?
Песни петь не нам запрещено,
Допоем! Потом – немудрено
И уснуть на дне Вселенной.

Май 2010

Памяти Юрия Таратина

От того, чему я не поверю,
Загрустили травы и деревья,
По-другому смотрится твой дом.
Вопреки молениям и просто
Неприметно как-то на погосте
Прибыло еще одним крестом.

Черета людская, теневая –
Черета в тот мир – не убывает.
Но ты оказался впереди,
Как всегда, и в этот день осенний,
Как везде, – хоть в этот миг последний
Повелел бы ангел: «Подожди!»

Будто ничего не изменилось,
Снова этой ночью мне приснилась
Шумная береза в полный рост.
Будут вечно жить твои дубравы,
С новой силой вырастают травы. –
Без тебя проходит сенокос.

Июнь 2010

* * *

Река незримо дышит томной влагой

У ног моих, у горки, тальника.
Синея, воды ветреного края,
Куда спешите вы издалека?

Исходом невозвратных многолетий,
Как ни стараюсь, все же не пойму –
Вы ищите иль новых приключений,
Иль родину забвенную свою?

Волнуется, не дремлет ни минуты.
И сколько лет у горки, тальника
Обрывок неба ищет в ней приюта,
Лохмотьями биясь о берега...

Под звездопадом всяко может статься, –
Но бог избави в глубине веков
Меня обрывком чуждым бултыхаться
Хотя бы у далеких берегов.

Июнь 2010

* * *

Сад однотонен под луной,

Тих полумесяц.
Идет беседа вперебой,
Как люди вместе.

Ты так старательно мила
Неодолимо.
И никогда и не была
Моей любимой.

И все же пахнет теплотой
Твое дыханье.
В дыханье теплом голос твой
Приутихает.

Но подождем, как лунный свет
Уйдет в сторонку.
И, как и мой, начнется бред
Твой ненароком.

Июль 2010

Гремела гроза

В расколоте неба залечены швы,
От ран огневых и следа не осталось.
И, выжив в погроме небожеском, мы
С тобою шагаем по лужам. На зависть.

И в глине, и в травке повыше колен
Твои крупноплодные ноги босые.
Но как уживаются все ж на земле
Улыбки на лицах и взгляды косые?

Ликуйте, земные! Ликуй, неземной!
Сегодня удачей ваш праздник отмечен.
Хотя бы шумливый, хотя бы немой –
Ваш праздник да будь бесконечен.

На белые груди садилась оса,
И пела нам певчая птица.
И чтобы нас вновь так застала гроза,
Едва ли еще раз случится.

Июль 2010

* * *

Как с утра все было чисто,

И звенел металл!
Но черней рук трубочиста
Воздух черный стал.

А по мне... Я – ни бельмеса.
Растолкуй о том,
Как из туч пророк небесный
Извлекает гром.

И зачем пророк потешный,
С бородой, не злой,
Наказание шлет грешным? –
Но не нам с тобой!

Июль 2010

* * *

Все предсказуемо меж нами, –

Тропой безлюдною с луками
Случайно будто сведена
Со мною, и неторопливо
Ты говоришь неповторимо
Вещание плохого сна.

Перед доверчивостью женской,
Врожденной разумностью млечной
Я весь внимание и слух.
Глазам, уставшим по старинке
И постаревшим от поминок,
Сказать кто в силах: «Недосуг»!

Язык твой прост, без идиомов. –
Сопровожу тебя до дома.
А вот на следующий раз
Я свой придумаю рассказ,
Жизнеподобный и несонный, –
И расскажу тебе – веселой.

Июль 2010

* * *

Я долго буду знаменит

С тобой. – И нет путей отхода.
Кому ты хочешь изменить
Со мной, неверная, сегодня?

Не выступают соловьи
Для нас, бедовые, вполсилы.
С тобою я певец любви,
А без тебя – певец могилы.

Ты рада. – Мы с тобой одни.
Что мы с тобой одни, ты рада.
Друг другу оба мы сродни,
Освобожденные из ада.

Найдется пожалеть о чем,
В слезах ты чтобы ликовала.
Про то не вспомнит ничего
Последний гражданин Кавала.

Июль 2010

В будущем

Проснувшись в темноте,
упрешься в крышку гроба
Костлявою рукой.
И вновь вернешься ты,
не встретивши исхода,
В сон горький, гробовой.

А в миллионный год
от рождества Христова
Иль в миллионный век,
Взяв в руки череп твой,
промолвит археолог:
– Наш предок, человек!

Июль 2010

* * *

Тропа узка в пшеничном поле!

Перепела, знать, поневоле
Кричат. Им тоже нелегко.
И ветерок тебя овеет,
В тебе, настало время, зреет
Грудное, чую, молоко.

Твоя любимая ложбина!
Что любишь ты – и мной любимо.
В траве теряли мы серьгу.
Пойду – нарву тебе цветочки, –
Ты посиди на бугорочке,
А встать не сможешь – помогу.

И слушай хор разноязыкий
Шмелей, пичуг и безъязыких,
Трав тихий лепет, всякий крик.
Потом ты слушать будешь дома
Мои все эти переводы
На человеческий язык.

Через года в безмолвном мире,
Где вечный сон, и люди сиры,
Где песни гложнут все мои,
Хотя бы раз пусть нам приснится
Вся дозревавшая пшеница,
И эта сказка о любви.

Июль 2010

* * *

Изнурительный зной, обмелевшие реки.

И душой обнищал человек.
Что за дух цвета неба глядит сквозь прорехи,
Как голодная смерть из-под век?

Человек от земли управляет сохой, –
Мой народ – от сохи, сухопар.
Не в диковинку мне всё крестьянско-людское

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.